

Александра Бергер

АНАТОМИЯ

СВЕРХПРОВОДИМОСТИ



2026 г.

18+

Александра Бергер

Анатомия сверхпроводимости

«Автор»

2026

Бергер А.

Анатомия сверхпроводимости / А. Бергер — «Автор», 2026

История падения, возрождения, поиска себя и Бога. После смерти отца и череды травм девочка «выключила» свое тело, надела маску нестигаемого «Орленка», провалилась в гордыню спасателя и пережила тотальный крах иллюзий. В зрелости она существует в двух вселенных: в пространстве между мужем и любовником, в союзе двух сирот, где страсть это топливо для полета меж звезд. Пройдя сквозь ад измен и потерь, к 50 годам она принимает свою двойственность, сексуальность и обретает Бога в собственном саду. Это роман-инициация о пути женщины от 5 до 50 лет *per aspera ad astra*. Об авторе: Я — петербурженка в шестом поколении, медик, акушерка и телесный терапевт. Откровенность в описании психологических кризисов и сексуальных сцен продиктована этой оптикой. Личная драма переплетается с родовой памятью о Блокаде и размышлениями о травме поколений. Роман для тех, кто исследует приспособительные механизмы психики, границы дозволенного, ценит откровенность и поиск истины за пределами повседневной морали.

© Бергер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Анатомия сверхпроводимости	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатомия сверхпроводимости

Александра Бергер

Анатомия сверхпроводимости

Батальные сцены из жизни женщины.

18+

ВНИМАНИЕ! Книга содержит сцены сексуального характера

Настоящее произведение является художественным текстом, созданным в жанре автофикшн. Все персонажи, имена, локации и события являются продуктом творческого вымысла автора либо подверглись глубокой художественной переработке. Любые совпадения с реальными событиями, фактами или лицами (как ныне живущими, так и умершими) являются абсолютно случайными.

Описанные в книге деструктивные паттерны поведения, психологические кризисы, личные коллизии, страсти и ошибки героев отражают исключительно их субъективный опыт и **не являются примером для подражания.**

Автор не призывает читателей следовать действиям персонажей, совершать аналогичные поступки в реальной жизни или воспроизводить описанные психологические и поведенческие сценарии («не пытайтесь повторить это дома»). Книга не содержит руководств к действию, медицинских, психологических или морально-этических рекомендаций.

Текст отражает исключительно субъективный художественный взгляд автора на вопросы психологии, физиологии и человеческих взаимоотношений. Произведение не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, личные убеждения, религиозные, семейные или общественные ценности.

Мнения и поступки персонажей могут не совпадать с позицией автора, издателя и общепринятыми нормами морали. Вся ответственность за интерпретацию текста и проецирование его на личную жизнь полностью лежит на читателе.

Эпиграф

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нём больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как её излечить — это уж Бог знает!

— *М. Ю. Лермонтов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Мой дед погиб на войне. Его сыновья росли без него. Росли, вскормленные и воспитанные памятью о нём. Не его присутствием, а мыслями о нём. Разговорами о нём. Идеей о человеке, а не самим человеком.

Это принципиально другой метод воспитания и способ общения. Здесь могущественным, усиливающим коэффициентом является сам факт гибели. Он умножает на бесконечность и превращает живого, но ушедшего человека в явление. Так что мой отец с детства был воспитан не человеком, а явлением.

И теперь я понимаю, как это важно. Как этот факт меняет структуры психики. Человек, воспитанный явлением, со временем сам становится существом немного другого порядка. У него в структурах личности словно бы случается некая мутация. Он не может быть как все. У него другие цели, задачи, уровни. Он ставит себе иные, за пределами высокие планки, но думает при этом, что так делают все, и не видит в этом ничего необычного. Дышит своими идеалами, не замечая, что другие рядом дивятся или напрягаются.

Отец не справился со своим напряжением. И умер в пятьдесят с небольшим. Он передал мне эстафету. Я тоже выросла на мыслях о нём и его завещаниях. Надеюсь, я смогу дать большую и широкую жизнь — как в мире идей, так и в земном измерении — и его образу, и его мечтам. И образу погибшего деда. Просто самим фактом того, что я помню. Что я живу этой памятью. И во имя неё творю и люблю.

Неправильно было бы думать, что вся моя жизнь — чистое служение. Нет. Скорее наоборот. Моя жизнь — это непрерывный поиск, метания, ошибки и потери. Огромные приобретения и грандиозные, страшные провалы. В ней много страха и страсти, предательства и боли. Но всё это было не зря. Всё это было не просто так.

Это огромный путь созвучия с главной музыкой, звучащей во мне. Музыкой о мужской судьбе. Воля и боль мужчины, его мечта, сила и пропасти — этот вихрь наполнял мои внутренние просторы, где я старалась постичь, услышать и дать этому урагану место. В память об отце. И чтобы таким образом, наконец, понять его, помочь ему и отпустить.

С огромной благодарностью ко всем мужчинам, бывшим и находящимся сейчас в моей жизни, я пишу эти тексты. Я вижу в такой своей жизни даже некую миссию.

Мой путь получился непростым, противоречивым. В нём много греха, честности и боли. Но это лишь потому, что я всегда просто слушала своё сердце.

Почему я написала именно это? У меня не было ни малейшего шанса написать что-нибудь другое. Рядом со мной были очень разные люди. Где-то на горизонте тусовались в девяностые рэкетеры, в переходах молились юродивые, запойные пьяницы спали на лестницах питерских пятиэтажек, уходили и уходили на бесконечный фронт добровольцы, и неопознанные враги разыгрывали волшебный театр теней.

Рядом со мной — муж, труженик и затворник. Бывшие друзья и друзья, наделённые властью влиять на меня сейчас, больницы и садоводства. Есть ещё родители одноклассников дочери, продавцы из местных лавочек и соседи в дачном посёлке.

С некоторыми из этих людей, возможно, очень интересными, а возможно и нет, не случилось у меня никакой жизненной коллизии. А вот с другими — сбивали мы друг друга с орбиты, влияли глубоко и безоговорочно. А именно это мне интереснее всего исследовать.

Как лепится человек, что с ним происходит и почему. Просто человек в моменте. Не великий человек, не героический человек. А человек, который живёт свою жизнь и этим самым и составляет основу мироздания.

Поэтому секс, травма, слёзы и рывки с падениями — это основной сюжет повествования.

Никого, уважаемые читающие люди, не заставляю припадать.

Но если уж решитесь, имейте уважение. Вытирайте ноги.

II

Мы приехали в деревню. В темноте осеннего вечера машина пробиралась вперёд в свете фар по чёрной пустыне. Мне казалось, что едем мы по высокой дамбе, освещая её электричеством, а вокруг плещется чёрный безмолвный океан. Нет света, нет движения, нет звуков за пределами желтеющей полосы дороги. Тьма осенней ночи, влажный воздух, и волны невидимого прибоя шелестят рядом с машиной. Может быть, это и деревья шепчутся на ветру. Но их не видно, они исчезли, их поглотило небытие.

Небытие. «Не быть» — так ответил где-то Гамлет, услышали поля, и их затащило березняком. «Не быть» — так сказали деревни и посёлки. И теперь дома опадают на землю от радиации лет, как снеговики под лучами солнца. Не быть. Только молекулы первоисточков заполняют пространство. Это просто кубики бытия. Как белковые частицы. Есть только они. Смыслов нет, надстроек нет, форм нет. Есть первичная материя и звёзды.

Звёзды сшивают пространство, как иголка с ниткой стягивают разрозненные куски тканей. Звёзды сшивают разные куски реальности между собой. В городе ты один, в деревне ты другой, когда ты пьян — это ещё одна версия тебя. Но звёзды помогают тебе вспомнить себя настоящего в любом краю твоей вселенной. Где бы ты ни был, звезда притянет к тебе твоё начало, твоё прошлое, суть и смысл твоей души. Ты не потеряешь себя, если умеешь смотреть на звёзды.

Я сшита звездой из разных тряпочек души. Один лоскуток ведёт любимую дочку в школу — это мать и честный гражданин. Другой лоскуток бьётся на ветру в деревне, где я брожу голышом в яблоневом саду, шаманю с шершнями и заклинаю ветер. Ещё один лоскуток принадлежит ему. Это женщина, у которой стучит в ушах кровь и тяжелеет сердце и живот при мысли о нём, далёком и любимом. И, конечно, это я, сажающая с мужем цветы и орехи на даче. Если бы не звёзды, меня бы разорвало, честное слово.

Спасибо, Бог.

Приехали к ночи.

На включённый свет фонаря на крыльце слетелись шершни. Огромные, тяжёлые, видные хорошо даже в неверном ночном свете, они гудели и мелькали, роились вокруг мужа, который пошёл первым в дом.

Ему пришлось даже драться с ними. Слава Богу, всерьёз нападать шершни не стали, погудели тревожно, но нас пропустили.

Дом ждал нас спокойный, собранный и светлый.

Книги и посуда ничуть не изменились, нарядные керамические тарелки не потускнели, стеллажи не обвалились, и картины на стенах не изменили своих красок.

Мы не топили на ночь, хоть в доме и было прохладно.

Из этой точки пространства-времени жизнь видится совсем иначе.

Мы пьём чай на кухне.

Наш дом стоит на холме. Дорожки сбегает вниз и закручиваются вокруг спиралью, прорезая долинами холмики, поля и перелески.

Внизу под окном разлог ручья. Там огромные ивы, сквозь них обычно прорастает луна. Но сегодня её не видно: тучи и темнота.

У ручья маленькая банька по-чёрному, как грибок на толстой ножке. Старые ивы окружают её, как в хороводе, держатся в высоте за руки ветвями, а она принакрылась крышей и дремлет.

Мы как будто плывём на корабле сквозь волны деревьев и кустов вниз.

Эта жизнь и есть, и нету.

Ночью в небе что-то жужжало, но уже не шершни. Вертолёты, а может, и не только. В телефон пробилось предупреждение не трогать обломки и сохранять спокойствие — опасность БПЛА. Но связи нет. Нет интернета, нет сотовой. Тишина.

Утром стало видно, как бурьян затянул весь двор — нас давно тут не было.

А на эту землю здесь из лесов и полей натекает небытие. Травы, деревья и звери прибоем, половодьем наступают, заселяют постепенно оставленные человеком земли. Островки сознания хомо сапиенс ещё теплятся по инерции, но кажется, что скоро погаснут и они.

Что-то новое начинается.

Наступает новая эпоха.

Она не будет простой.

Гибнуть, не думая ни о чём, нельзя. Это безответственно.

Необходимо прежде сберечь и наладить передачу смысла, своей сути и заветов.

Нужно понимать, что ты как единица существования являешься не только сам собою, но и частью большого замысла, и Бог дал тебе персональное поручение. Уникальный состав крови и отпечатки пальцев.

Нельзя просто так взять и отправить это в небытие.

Нужно как-то осмыслить свой путь. Исчезнуть кажется иногда лучшим и простейшим вариантом.

Но лучше этого не делать. Необходимо понять и решить свою задачу.

Я теперь отсюда вижу всё иначе.

Иначе вижу вещи, стоящие в шкафу — мамины чашечки костяного фарфора, папины книги, мои учебники по акушерству, сказки и эзотерику.

Мамы и папы давно нет.

Не так уж скоро не станет и меня.

Это вообще не грустно. Начало знаю и итог узнаю как-нибудь — надо постараться и в оставшееся время доделать правильно дела. Не только имущество. Это важно, но это мелочи.

Другое надо осмыслить и доделать.

Что важного начато?

Воспитание детей, само собой. Но с ним пока всё в процессе.
Что важно ещё?

Сразу пришла на ум дача. Достроить дом. Но самое главное — обустроить посадки на новом участке. Довести до ума всё пространство. Манифестировать смысл его и закрепить официально. Что эта земля не просто дача. Это мир семьи, построенный всеми её членами с мыслями о любви и благом друг для друга, в память о любимых ушедших и во благо живущих и будущих. Где мир дома связан с миром вселенским через растения, природу, смену времён года, звёзды, луну и солнце.

И обязательно поговорить с душой. Уделить ей достаточно времени. Создавать для нее специальные условия, чтобы она смогла высказаться по полной. Чтобы не оказалось потом, что я всю жизнь затыкала рот самому главному свидетелю — тому, кто видел и помнит Его.

III

Сегодня мы вернулись из деревни. Это было необычное путешествие. Первый раз в жизни я ездила куда-то без дочки.

В деревне нет связи и интернета. Но иногда пробиваются превью.
И вот я увидела утром, что в Ватсапе висит поиск новых сообщений.

Я вроде бы спокойно ждала, когда же мы въедем в зону доступа.

И вот это случилось. Я понимаю, что уже могу прочесть сообщение. И понимаю, что у меня дрожат руки. Открываю его. Осознаю, что прекрасно владею собой в этот момент. Меня это всякий раз удивляет.

Несколько дней назад я целый день была в смятении, плакала по непонятной для себя причине на ходу, в булочной и в лифте. Потом не выдержала, кинула в пространство короткое «Как ты?». Но никакой реакции, даже прочтения, не получила. Переживала, грустила, плевала и злилась. Потом задрала нос и уехала в деревню.

Потом вдруг внутри установилось прочное чувство связи. Я говорила себе — как интересно. Он не читает сообщения, но я при этом уверена, что он со мной. Умею же я себя обманывать.

И вот, чувство восстановленной связи окрепло.
На заправке на трассе на обратном пути из деревни я открыла сообщение.

Его отец заболел, и он с ним находится в больнице.

Понятно, поэтому не отвечал.

Пожелала им сил и здоровья. И он тут же откликнулся. Звучание его было ясным, громким, хороший, устойчивый приём. Я поняла, что он там один, без семьи. И поэтому он близко. Мне нравится это. Для меня это правильно.

Он сказал — пришли мне фото дачного дома. И — «I remember». Вот эта его фраза...

Я выключила телефон. Я долго ехала по ночной дороге до дачи. Доехав до дачи, в доме мы с мужем быстро накрыли на стол и поужинали уже за полночь.

Я выходила в сад проверить яблоню. Я разбирала вещи.

И каждую секунду я думала о том, что как только дом заснёт и я останусь одна, я открою его сообщение и буду долго-долго смотреть на эти слова: «I remember». От каждой буковки их будет отходить вязь смыслов. Сейчас я понимаю, что значит — в древних азбуках за каждой буквой стояли целые понятия.

Вот и у меня так.

Его «я помню» — это миллион моментов от каждой буквы. И я помню. Каждое мгновение. Какое же это счастье.

Я пришлю ему завтра фото. И скажу, что дочка каждый день пересматривает их совместные видео. Надеюсь, завтра он ещё будет способен воспринимать нас.

Наутро я отправила это: «How is your father feeling today?»

«Here is a photo of the dacha. The house smells of you. It's like we just said hello!»

Но ответа не получила.

Окно возможностей закрылось.

Удивительная пьеса, необыкновенная оркестровка, которая пишется не нами.

Буду прислушиваться дальше. Буду слушать и ждать указаний.

Мы склонны винить других, ждать от них поступков и перемен.

А может быть, это я держу не ту тональность? Может быть, окно возможностей открылось потому, что на трассе я была, как всякий путник, свободна от собственных привязок и ограничений? Следовала из пункта А в пункт Б и была поэтому ближе сама к себе? И поэтому связь звучала так ясно, и он был так близко? А сейчас я снова провалилась в болото своих чувств. И хоть никак этого не выражаю физически, эта плотность и тяжесть фонит и давит.

Это неприятный для меня вывод. И я не знаю, могу ли сделать что-то к лучшему.

Остаётся помолиться. О том, чтобы всемогущая эволюция помогла мне перешагнуть свои ограничения ко благому моему и всего живого.

Он ответил, конечно. Что отец сегодня в порядке. И поставил пять сердечек на фотографии.

Я не знаю, что для меня легче. Не иметь никакой связи на расстоянии или вмещать всю мою душу в эти пять символов на экране телефона.

Какова же природа связи, любви, и у всех ли она одинаковая?

Во-первых, любовь — что это такое. Говорят, что это невозможно понять.

Ну хоть какие-то эскизы набросать надо попробовать.

Любовь — это действие, безусловно. Если за словами не стоит действие, это первый и главный критерий.

Но этого не достаточно.

Можно действовать из дурости, из одержимости, из выгоды и от скуки.

А любить. Это как.

Моё главное предположение в том, что любовь, как, например, талант, гений, дар — это некое стойкое и, скорее всего, необратимое изменение состояния.

Возмущение полей, гормонов, повышение давления и ЧСС, перемена состава крови, скорости реакций и даже образа мышления — это всего лишь реакция на влюбленность как на стресс.

Но любовь это что-то иное. Можно сказать, наверное, что это одна из разновидностей энергии.

Есть вот электричество. Есть энергия взрыва. С точки зрения науки можно объяснить эти процессы. Хоть и не до конца.

Но мы всегда ясно понимаем, что электричество выключено. Так и любовь. По внутренней проводке в человеке идёт некий ток. И это не ток возбуждения. Это намного глубже, спокойнее и неистребимее.

Это какой-то глубинный разворот молекул организма в определённый строй. В определённую последовательность и конфигурацию. Это появление в человеке стойкого изменения, связанного с наличием в его сознании нового чужеродного объекта, который идентифицируется по непонятным для логики причинам как свой. И расширяет одиночную фигуру, включая дополнительный контур и создавая абсолютно новые связи смыслов и нейронные пути. И часто разум отказывается фиксировать происходящее, но не может в итоге игнорировать свою собственную биологию.

Если же это состояние осознаётся и разумом, то оно получает мощное подкрепление. И если разум этот светел, то такой человек способен творить чудеса, примерно такие же, как тот, кто в экстремальной ситуации преодолевает, бывает, порог своих обычных физических ограничений. Только в случае любви это имеет продолжительный, постоянный характер и не истощает психику и ресурсы, а расширяет их и укрепляет и личность, и её действия.

IV

Я думаю про книгу. И про то, как она была написана.

Я начала это делать изнутри эмоций, из мяса переживаний, из фолликулов, гормонов и травмы. Это такая очень гормональная литература. Никаких выводов, обобщений. Сплошное проживание.

И вот что мне хочется сказать.

Мне нравятся умные мысли, книги и люди. Мне очень хотелось бы быть как они.

Но я, хоть и наделена развитым умом, абсолютно не в состоянии писать ничего другого, кроме этой густой прозы, завязанной на цикле овуляция — менструация, депрессия — эйфория и на прочих сахарозависимых качелях.

Как бы я ни стремилась отвлечься и подумать о другом, пока не прожита, не осознана и не названа словами эта нижняя база, пока все демоны женской зависимости не разобраны по косточкам, пока страсть и сексуальность не освещены светом если не мысли, то хотя бы признания и осознания, всё остальное писание будет ложью.

Женщина может быть сколь угодно умна, независима, возвышенна и утончённа.

Но вместе со всем этим в основе и базе своей и в обязательном порядке она — менструирующая, овулирующая, рожаящая и оргазмирующая муза, фея, бизнес-леди, учительница и даже космонавт. И все эти процессы в огромной степени управляют её эмоциями, которые, в свою очередь, влияют на то, как она относится к мужчине и как воспитывает детей. А значит, и на всю жизнь на белом свете.

Как бы нам ни хотелось низвести биологию вообще и женскую биологию в особенности до уровня грязи и греха, пошлости и анекдота, именно она, эта биология, физиология и эмоциональная жизнь является той питательной средой, тем гумусом, куда падает зерно истины и прорастает духом и светом мудрости — в мужском исполнении или даже и в женской возвышенной ипостаси.

До тех пор пока мы отрешиваемся или пытаемся отменить или изменить, не поняв и не приняв нашу физическую основу, мы не разовьём наш дух и не сможем решить ни одной сверхзадачи.

Только в балансе со здоровой, понятой, признанной, изученной и узаконенной физиологией может развиваться свободный и здоровый, светлый дух и разум.

Пока мы боимся собственной тени, своих желаний, своей сексуальной и эмоциональной природы, эти тени будут управлять нами. Исподволь и исподтишка.

Только взглянув в глаза своим страхам и страстям, мы сможем вырасти по-настоящему.

А для этого надо перестать себя судить.

Но это не значит узаконить распущенность и извращённость.

Это значит создавать осознанно и с вниманием такие пространства, такие запросы и территории исследований, где можно говорить, думать и описывать прямыми и честными словами все наши глубокие, скрытые, но подлинные чувства и мотивы.

Поэтому очень надеюсь, что книга про Саню позволит вам заглянуть и в свои чувства.

Прошу вас об одном усилии.

Для нашего всеобщего блага, пользы и развития, попробуйте, пожалуйста, не судить. Не торжествовать и не доминировать. Попробуйте всё-таки прожить эти чувства и посмотреть на себя внутри. Пусть пространство этой книги станет безопасным и полезным тренажёром для души и разума. Пусть отзовётся, отживёт и отболит, прозвучит и встанет на место — ваша собственная боль, быстро, честно и легко, уже подсвеченная, озвученная и прожитая кем-то до вас.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ.

Сталь нержавеющая ГОСТ 5949-75, марка 12Х18Н10Т.

Часть первая
Привет, Саня!

1.

Саня была совсем маленькой девочкой, лет четырех-пяти, когда в жизнь ее впервые вошел слепой ужас. Вообще-то она не была трусихой. Саня не боялась темноты, детского сада и мокрой одежды. А вот этого боялась. Что это такое, она не могла понять. Ужас появлялся как будто немного раньше, как бы заранее. И в момент встречи с его причиной Саня уже была ослеплена. Дальше она ничего не помнила точно. Внутренности сворачивались судорогой, и приходила в себя она уже от собственного истошного крика. Каждый раз оказывалось, что она сидит под столом на кухне, орет и рыдает. Крик был отчаянным и злым. Родители — смущенными и растерянными. И какое-то размытое пятно за их спинами продолжало смутно давить.

А голоса как-то ласково, сладко, но настойчиво предлагали замолчать. Острый нож ее крика они даже не пытались вытащить. Они хотели, чтобы Саня просто замолчала, закрыла рот. Этого делать не хотелось. Было понятно, что этот острый крик тогда войдет внутрь и ранит ее.

Но голоса лились мягко, убаюкивали, заставляли им верить. Невозможно не верить, когда мама так уговаривает. Острый нож ее крика скользнул внутрь, поранив что-то нежное. Но, похоже, такова была цена. Саня понимала, что платит, что это торг. И мамин ласковый голос был пока что важнее и ценнее всего. Она не могла сопротивляться.

* * *

Напрасно считается, что брать в рот у мужчины — это унижительно. Вовсе нет. Если мужчина тебе знаком, конечно, и если он тебе приятен. Нет ничего плохого в том, чтобы зафиксировать свое подчиненное положение. Он входит в рот, дальше, дальше. Ты глотаешь его жидкость. Это хорошо. От этого делается спокойно.

И Саня понимала: в этот момент, впервые, в свои сорок лет, зная перед этим трех мужчин, она наконец-то не главная. Она ничего не решает. Она просто не в состоянии ничего решать, когда ее рот занят этой работой. Ласковый голос убаюкивает. Как хорошо, что он ее заставил, что он был ментально сильнее. Слава богу. Ей тепло. Она благодарна.

Саня целует его руку, которая только что держала содрогающийся член. Ей хорошо.

Когда она вышла из его дома, ей потребовалась передышка. Саня зашла в кофейню. Там было уютно. Но чувство внутри было важнее.

Она села за столик с чашкой. Вкус спермы во рту еще не пропал. Глоток кофе усилил ощущение, сдетонировал. «Меня только что почти взяли силой», — подумала она и прислуша-

лась к себе. Она не чувствовала, что это плохо. Но она поняла, что только что по-настоящему потеряла девственность. Сегодня она не играла в поддавки с мужчиной. Он хотел ее, он был сильнее, и он ее получил. И это правильно. Она теперь его женщина. По праву силы. И его воли.

Сане нравилось, что она в его воле, не в своей. Что она больше не глава семьи, не гиперответственная операционная сестра, не самоотверженная мать. Она просто женщина, которую хотел мужчина. Важная деталь: этот мужчина Саню восхищал и интересовал, без особых сантиментов и уж точно без каких-либо планов. Но он был ей приятен.

Да, он скоро исчезнет в солнечной Испании. Но она не жалела ни о чем. Его руки были руками бога. Они трогали ее как глину. И лепили из нее такое же чудо, каким восхищалась публика на его выставках.

Всему свое время. Время собирать камни и время разбрасывать. Сперма испанца улеглась внутри как тяжелый маленький шар. Теперь Саня стояла ровнее. Она словно бы заземлилась. Ей было хорошо.

* * *

Скоро Саня поняла, что это за пятно маячило за спиной у родителей. Это был чужой дядя. Папин лучший друг, полковник.

Сане всего пять лет, и его фигура кажется странно квадратной. Квадратная холеная борода, квадратный силуэт плеч, невысокий и коренастый. Очень уверенный в себе. Это качество тоже было квадратным.

А еще от него пахло. Однажды, спустя много лет, Саня испытала приступ острой паники. Рядом с собой она уловила запах дорогого коньяка и дорогих мужских духов. С трудом расцепляя слипшиеся, сжатые пальцы и нервно срывая один за другим слои прошлого, она вспомнила. Так пахло от полковника. Тошнотворный, страшный запах.

Мама и полковник вошли в квартиру бесшумно. Саня удивленно выскочила в коридор. Она уже большая, уже не боится его, ей уже девять.

Саня замирает. Их лица напряжены, серы, смазаны. Мама молча кивает бабушке, и та, заплакав, уходит в комнату.

Саня ничего не понимает. Стоять дольше рядом с мамой и полковником ей тяжело, и она идет утешать бабушку:

— Ну что ты, не плачь!

— Да, что вы так, не убивайтесь, смотрите, как Саня держится, — слышится голос полковника.

Что? Что он сказал? Почему мне надо держаться?

Саня не помнила, как именно в ее сознание попала информация. Следующий кадр — она видит себя сверху, из-под потолка. Видит свое кричащее, содрогающееся тело на диване. Тело внизу кричит, а этот наблюдатель наверху ничего не чувствует. От холода ломит внутренности, но кажется, будто тому, кто висит под потолком, это вполне подходит. Умер папа.

Он ведь давно болел. Но так бодрился. Он оказался с протезом вместо глаза. Но шутил и не подавал виду. Правда, один раз он сказал по телефону тете, что, наверное, он умирает и дела его паршивы. Но Саня, конечно, не поверила. Это были какие-то непонятные взрослые разговоры и дела. Не по-настоящему и не для нее. Это ерунда.

В тот день была чудесная погода. Март. Солнце сверкало в лужах. Саня бежала по лужам, топая своими несуразно широкими ботинками с кантом. Она была счастлива — остро, не по-детски. И именно в это время ее отца покидали остатки сил. Он цеплялся за угасающие контуры мебели глазами, хотел что-то сказать жене; в этих старых больничных стенах она была единственной, кого он узнавал. Далеко во дворе дочка Саня бегала по лужам.

2.

Все детство Саня гуляла в Парке Победы. Для нее парк был образцовым местом для прогулок, большой радостью и ежедневным приключением. Красивые тенистые аллеи и таинственные прудики, где на островках жили птицы, мосты над протоками и плакучие ивы над гладью воды приучали видеть красоту в каждом дне и в обыденной прогулке.

Ещё там были лодки, аттракционы, колесо обозрения (Саня, конечно, не боялась!), зимой — отличные снежные горки и, что очень важно, там всегда можно было покормить уток, а весной — посмотреть на утят. Парк был средоточием интересов, местом силы и загадок, игр и наблюдений. А самое главное — Саня ходила туда с папой. Они бродили под высокими дубами и искали желуди, и азарта и восторга в этом было не меньше, чем у пиратов в поисках клада. Драгоценные находки постукивали в кармане лакированными боками и превращались дома в талисманы — осликов и человечков в шляпках.

Понаблюдать за утиным выводком — это тоже было сказочное, волшебное удовольствие. Созерцание пушистых серо-жёлтых комочков было пропуском в таинственный живой мир, где Саня ощущала торжество каких-то других, настоящих законов и смыслов — более честных и чистых, чем те, что окружали их в человеческой среде. Это волновало и приятно тревожило. Да и голос Дроздова неизменно звучал в голове, как заклинание доброго волшебника. Передачу «В мире животных» Саня обожала, и музыку оттуда тоже.

А в День Победы Саня с папой всегда ходили утром в парк слушать военные духовые оркестры. Центральная Аллея Героев как стрела разрезала парк на две части. На аллее длинными рядами стояли памятники, стелы с бюстами; суровые лица казались ликами огромных добрых рыцарей, навсегда оставшихся здесь, чтобы охранять Саню, маму и папу.

Папа очень любил духовые инструменты и рассказывал Сане об особенностях их звучания. Это было очень интересно, но главное, конечно, что это были военные песни. У Сани пробегал по коже мороз, и она сопереживала музыке, папе, людям рядом и даже немного солнцу в небе. Ей казалось, что оно тоже слушает эту музыку, потому что блики так ярко блестели на тромбоновых боках, будто солнце дудело и плакало вместе с «Прощанием славянки».

В День Победы вечером, к минуте молчания, Саня с родителями всегда ездила на Площадь Победы. Там они возлагали цветы к печальному памятнику. Играла грустная музыка, ходили молчаливые люди, и минута молчания наступала как огромная, говорящая своею тяжестью тишина. Стучал метроном. И это тоже была жизнь. По другую сторону смерти.

Только спустя годы Саня узнала, что Парк Победы и эти веселые зеркальные пруды лежат прямо над прахом тысяч умерших в блокаду людей. В заводских печах сжигали тела, и пепел лежал в прудах, и росли по берегам этих прудов высокие деревья. Но этим погибшим никогда не было одиноко тут, среди детского смеха и музыки.

3.

Маленькой Сане никто не пел колыбельных. Но было много другого.

Папа пел Сане перед сном песни. Чаще всего военные — грустные, тяжёлые. Но папа был рядом, поэтому Саня не боялась.

Иногда папа пел «Враги сожгли родную хату». Саню сковывал ужас. Эта трава над могильным холмом и серое над ней небо казались самым страшным видением на свете, затылок сводило. Но папа был рядом, и боль таяла, как тени в лучах солнца. «Твой дружок в бурьяне неживой лежит...» — опять трава, степь, пыль, ворон кружит. Но там появлялась надежда, становилось теплее. Ещё мир раскалывался на живых и мёртвых, когда папа пел про Серёжку с Малой Бронной и Витьку с Моховой. «Друзьям не встать, в округе без них идёт кино», — пел папа. И Саня видела могилы, черные ямы, и в них спят люди, как в глубоких подземных кроватях. А наверху, на поверхности, красивые девчонки в нарядных платьях ходят в кино. А в высоте, в темной громаде дома, над всем этим горит оранжевое пятно: это мама Серёжки не спит.

Саня все это видела очень отчётливо, все понимала. И законы этого мира, его скорби и течение времени становились открытой книгой для ясного детского ума. Очень грустно было за Серёжку, за его невесту и маму. Такова жизнь. «Но помнит мир спасённый, мир вечный, мир живой...» И Саня помнила. Самым главным, самым важным считала помнить. Звенела, гудела в ней ровным гулом папина песня. Она помнила всех: и деда, и Серёжку, и папу, который так быстро ушёл от нее. И это было самым важным.

Мама читала Сане перед сном стихи. Пушкин, Лермонтов, Блок. Самые тяжёлые, самые пронзительные, самые грустные стихи выбирала мама для чтения дочке перед сном. Нигде за целый день не показывала она виду, что творится у нее на душе. И только в тишине вечера, там, где горел ночник и не было яркого дневного света, мама позволяла своим чувствам звучать, давала им голос. И Саня слушала и слушала, и впитывала вперемешку гений и тоску великого Пушкина, мамины отчаянные страхи и тихий вечерний свет лампы под стук больших стенных часов.

«Ты в синий плащ печально завернулась, в сырую ночь ты из дому ушла...». «И умер бедный раб у ног непобедимого владыки...» «Твоя краса, твои страдания исчезли в урне гробовой, и с ними поцелуй свиданья. Но жду его, он за тобой»... Раз за разом Саня соглашалась, вынуждена была соглашаться с этим приговором. Но, наверное, не до конца. Не всей собою.

Самым ярким было повествование про царицу Тамару. Детский разум отказывался понимать, что «уста прилипали к устам», и странные дикие звуки всю ночь раздавались там, а потом мертвое тело падало в воду. Этого Саня видеть не хотела. Картинки были яркие, живые, но никто там не умирал и даже не целовался. «Кусты прилипали к кустам» — упорно слышала Саня. Безгласное тело — это был камень. Все было хорошо. Эту жестокую реальность Саня переваривать не желала.

4.

Однажды мамы не было дома несколько дней. Бабушка неспешно готовила обеды, Саня ходила в шестой класс.

И вот мама вернулась. Она была в больнице. Саня пришла из школы, а мама дома. Саня помнила, какое это было счастье. Когда ты бежишь домой, а мама не на работе, а машет тебе в окно.

Саня бросилась к маме. И остановилась как вкопанная. Что-то не то. Что-то чужое, холодное окружало маму. Какой-то невидимый цилиндр — непробиваемый и липкий. Саня словно бы обожглась и отпрыгнула.

«Ты что?» — в голосе мамы был неподдельный испуг. Саня замерла. В эти доли секунды внутри перестраивались молекулярные связи, рушились какие-то дома, где-то в самой глубине яростно и бесшумно рвануло струну. Саня слышала гул этого землетрясения долгую, бесконечную секунду. Когда она миновала, Саня с удивлением поняла, что не чувствует ничего.

Лёгкая тошнота, и от холода ещё сильнее заныло что-то внутри. Саня опять видела себя со стороны. Вот она механически поднимает руки. Вот обнимает маму. Но словно бы не маму, а этот прозрачный цилиндр вокруг неё.

С тех пор она стала круглой сиротой. Больше никогда она не чувствовала с матерью ни близости, ни доверия, ни искренних чувств — никаких. Ни радости, ни злости. Ни-че-го. Мать говорила ей, что она как актриса — изображает любовь. Саня поддавала жару. И изображала ещё энергичнее. Чтобы только никто не догадался, что она больше вообще не способна чувствовать.

Много-много лет спустя Саня предположила, что мама тогда была не в больнице. Мама была с ним. С полковником. Это его запах железа и смерти напугал Саню до потери чувств. После папиной смерти он скоро стал маминым любовником. Или, может, просто другом семьи. Саня нашла фотографии. Все были празднично одеты, держали бокалы. Мама сидела рядом с полковником. Папа держался. Как всегда. Но выглядел лишним. Это было страшно. Он потерял своё место и не удержался на земле. Проиграл квадратному полковнику и Саниной родной матери.

Всё это Саня поняла много позже. А тогда она, ощутив этот дьявольский запах, просто встала на сторону мёртвого отца. И таким образом в двенадцать лет лишилась и матери. Если бы она понимала, в чём дело, она, возможно, не корила бы себя за этот космический холод в душе. Но Саня была Орлёнком. «Орлёнок, Орлёнок, взлети выше солнца...» Орлёнком воспитывал её отец. Будь стойкой, будь мужественной, как погибший дед и бабушка-блокадница.

Саня запиралась в комнате и слушала Свиридова. В полной темноте, круг за кругом, пластинка выдавала образы пушкинской красоты. А Саня — одинокая, некрасивая и нелюбимая, разделённая с собой и с красотой навеки — плакала от жалости к Пушкину.

5.

Саня была изгоем в своём роду. Когда умер отец, его родственники быстро поссорились с мамой, выгнали их с дачи. И Саня лишилась последней памяти об отце — кустов, которые трогали его руки, любимых тропинок в лесу, где он показывал ей чудеса природы, холма под берёзой, где она играла с друзьями и ждала родителей с электрички по пятницам.

Мамин же род стал для Сани карательным отрядом. Саня росла почти вундеркиндом. Она помнила себя с двух лет. Стихи запоминала с лёту, любила учиться и вообще проявляла большую самостоятельность и сообразительность. Это не могло не раздражать.

Мама отсылала Саню летом на несколько недель к своей родной сестре на дачу. Саня там чувствовала себя неудобно, но терпимо. И вот однажды с ней случилась беда. Саня очень-очень старалась, но не успела добежать до туалета. Живот расслабился, и авария случилась на подступах и внутри. Саня испачкала стены, бельё, себя. Секунды кромешного ужаса были подавлены гордостью орлёнка. Саня затёрла всё как могла и вышла с высоко поднятой головой. Разумеется, никакого душа и крана поблизости на строящейся даче не было. Окружающие смотрели молча. Потом говорили шёпотом, в уголке. А потом пришёл сосед и захотел поздороваться с Саней. Но его к ней не подпустили. Брат-ровесник что-то нашептал ему на ухо, и мальчик отодвинулся, посмотрел удивлённо и ушёл.

Саня не отдавала себе отчёта, что железная рука сдавила что-то намертво. Что с ней покончено. Что её больше нет. Что она не имеет права. Казнь совершилась в тишине, все были довольны, возможно, и сами того не понимая. Опозоренная и раздавленная, Саня не подавала виду, ходила с гордо поднятой головой. Но это было уже чучело орлёнка. Точнее, голова орлёнка на палке. Под головой не было тела.

Не появилось оно и когда Саня вышла замуж. Она была худющей, с тонкими прямыми руками и ногами. Тело не желало отрастать и в замужестве.

6.

86-й год свалился злом не только на Саню. Он упал с небес тяжёлым ножом на всю огромную страну. Саня хорошо усвоила, что произошло что-то важное. Какой-то съезд КПСС. Газеты были большой частью жизни, и в них писали что-то, что все обсуждали. Саня честно пробовала понять, но не могла. Ей казалось, что фразы лишены наполнения, смысла, внутренней силы, что они пусты и мертвы. Возможно, так оно и было.

Ещё случился Чернобыль. Саню в Ленинграде он не коснулся, но разговоров было опять много. Людям было очень страшно. И Сане, конечно, было непонятно, что именно раскалывает её жизнь — внешние или внутренние процессы. Но к году 87–88-му разлом стал очевидным.

А проявился он очень легко. В музыке. В школе у детей всё чаще появлялись магнитофоны. Дети слушали «Модерн Токинг». А Саню почему-то корёжило от этой музыки. Она выросла на другом. И эти странные, слащавые, летящие звуки, заменившие её любимые бардовские песни и «Прощание славянки», повели людей за собой ничуть не хуже и, возможно, более могуче, чем военные марши. Сане казалось, что люди вставали и уходили из её мира, как скучающие зрители из кинотеатра. Уходили в новые миры, в которые ей попадать совсем не хотелось. Из признанного вожака Саня превращалась в того, кто по доброте душевной всегда даст списать.

Но, конечно, не до конца. Так быстро Санину силу было не иссушить. В душе росло одиночество, но готовность прийти на помощь, быть опорой становилась только сильнее. Примерно в это время в классе стали выбирать изгоев. Постепенно проявлялись люди, вокруг которых всегда что-то происходило. Мальчики дрались, девочки плакали. В дела мальчишек Саня влезть не могла и не очень их понимала. Но вот почему вдруг тихую и абсолютно нормальную Свету стали задирать и закладывать, Саня даже предположить не могла.

Саня стала замечать это напряжение, хотя специально не задумывалась. Один раз на уроке Света тихо глотала слёзы. Саня взяла бумажку, написала записку, кинула Свете. Та привычно сжалась и с явным страхом развернула комок. Прочитала. С удивлением и благодарностью посмотрела на Саню. Совершенно непонятно почему, но после этого эпизода нападки на неё постепенно сошли на нет. А это была всего лишь коротенькая фраза: «Не обращай на них внимания, Света. Они все ужасные дураки».

Ещё классе в шестом Саня устроила бунт.

Молоденькая практикантка, не разобравшись, понаставила двоек почти всему классу. Саня хорошо знала, что оценки были несправедливыми, но это не спасёт от домашней расправы некоторых её одноклассниц. Саня сама получила пять. Но это ей было неважно.

На перемене перед уроком русского Саня обратилась к девчонкам и увела их с урока в женский туалет. С ней ушло человек семь. Прозвенел звонок, но они сидели там и не собирались выходить. Саня вообще-то была круглой отличницей. Нарушать правила для неё было непривычно и странно. Но сейчас она об этом не думала.

Учительница нашла их быстро. В крайнем удивлении спросила, в чём дело.

— Мы недовольны и несогласны с оценками. Так нельзя, — заявила Саня.

Девочки нестройно поддержали.

Саню послушали. Оценки отменили. Об эпизоде быстро забыли. Но уважение за Саней всё-таки закрепилось.

7.

Саня всегда была Сама. Она с первого класса сама делала уроки. Выбирала время, ручки и карандаши, закрывала двери в комнату и спокойно делала свою работу. Ещё когда ей только

исполнилось семь и школа поднялась на горизонте, знаменуя собой конец вольной жизни и осенних дачных радостей, Саня спокойно провела ревизию ощущений и сказала себе: «Ну что ж. Всё самое главное я уже получила и сделала. Можно и в школу пойти».

Она сама в шестом классе пошла в парикмахерскую и сделала там себе матёрую химию. Когда мама её увидела, у неё начался неукротимый хохот, что-то вроде истерики. В школе Саню сильно уважали за хорошую учёбу, и никаких разборок не было. После девятого класса Саня сама нашла себе новую, сильную школу в самом центре города, на Восстания. Там был экспериментальный гуманитарный класс с невиданной расширенной программой и экзамены в три этапа. Саня поступила туда с блеском — разумеется, сама.

У Сани не было бабушек с овощами и фруктами в деревне, богатых родителей на престижной работе — вообще никаких социальных костылей, кроме хорошего образования семьи. Саня всё делала сама.

После десятого класса она поехала с археологами в экспедицию. Мама даже по телефону ни разу не говорила ни с кем из руководителей. Мама доверяла Сане, и Саня всё сделала хорошо, сама. Она доставала знаменитого профессора звонками, уговаривая взять её, и профессор сдался под её буйным подростковым напором.

В экспедиции было страшно. Работали, пили, пели, кто-то отравился, кто-то грустил. Саня сама, безо всяких поддержек, переваривала этот необыкновенный опыт, вверяя себя Богу и иногда замирая на поворотах. Но всё кончилось хорошо. Она вернулась повзрослевшей, пробуждённой и написала эссе про глаза цвета мира, сиреневую чайку, которая, качнув крылом, уходит в другое небо. Это сочинение оказалось пророческим. В середине одиннадцатого класса Саня встретила свою судьбу.

Он был немного странный. Высокий, красивый и смешной одновременно. Очень грустный и сдержанный. Саня узнала его по картинам. В его комнате в коммуналке стояла плотная дымовая завеса. Люди приходили и уходили, курили, пили что-то. Он иногда пел под гитару — хорошо пел. И писал картины. На одной Саня увидела темнеющее синее небо и дорогу, упирающуюся прямо в огромную луну. Два ряда чёрных деревьев по бокам. И, собственно, всё. Но это всё и было главным и живым. Саня зацепилась глазами, впитывая эту говорящую пустоту пространства. Она была ей хорошо знакома. Слушая эту тишину, вытекающую из его картины, Саня будто бы слышала глухой, далёкий разговор. Она не понимала слов, но каждое ложилось в сердце слоями, уплотняя его своей тяжестью. Вторая картина была в глухих красно-оранжевых тонах. Посреди красной пустыни под тяжёлым оранжевым небом стояла каменная арка с колоколом. Одиночество, горячий царапающий песок, тяжёлый звук колокола, плывущий сквозь зной, как свинцовый непотопляемый шар. Саня всем нутром приняла его, шар звука скользнул в грудь. Саня кивнула: «Да».

Он был беспомощен перед женщинами, был уважительным, внимательным и робким. Был в тотальной ссоре с матерью. Бойкие, шустрые девчонки мгновенно раскусывали это и пользовались его беззащитностью для поднятия собственной самооценки — без зазрения совести и с лихим задором молодых, неопытных хищниц.

Сначала Саня была с ним просто в одной компании. Он был влюблён в Санину лучшую подругу, одноклассницу Марину.

Марина была не чета Сане. Вольная, со свободным и сильным разворотом плеч и рыжей копной летящих волос, любимая дочка большого человека из Монолита, она не привыкла себя контролировать. Её движения, полные безграничной уверенности и неосознаваемой мощной витальности, оставляли после себя неизгладимый след. Она нравилась сверстникам, малышне и молодому математику. Она не обладала канонической красотой, но яркая, сильная и хорошо налитая внешность цепляли и кружили голову, а потрясающая лёгкость и коммуникабельность всюду без труда прокладывали ей дорогу.

Кирилла она держала подле себя на всякий случай. Одновременно с ним у неё в разработке было ещё несколько персонажей. Ничего особенно серьёзного, но всё-таки.

Кирилл же был влюблён всерьёз. Он вообще был очень серьёзным. И сразу звал замуж. Он не считал возможным целоваться с девушкой без серьёзных намерений. Вот такое было странное воспитание. В свои почтенные 18 лет он готов был позвать замуж без сомнений и страха.

Марина, конечно, отказала. Неуместная и несерьёзная заявка вызвала недоумение и лёгкую растерянность. Но она быстро с собой справилась. Кирилл погрузился. Она же, вроде, на что-то намекала, как-то обнадёживала. Бог их разберёт, этих женщин. Недавно потеряв любимого отца, еле выбравшись из тяжёлых противостояний со сверстниками, он был уязвим и одинок. Ему стало по-настоящему плохо.

Саня всё видела, всё понимала. Жалела и подругу: что это за дурацкие темы он развёл, какие дети и семья в 11 классе. Тоску и боль его тоже ощущала — фоновое, но тревожно.

А через несколько месяцев услышала и она от него предложение руки и сердца.

Они уже встречались, наверное, целых две недели. Свинцовый шар с картины основательно занял своё место в груди. Саня влюбилась. Не без памяти, не всей собою. Большая часть её оставалась замороженной, словно бы Саня таскала на себе огромный холодильник. Но из холодильника торчали голова и ещё какие-то части — руки, грудная клетка. Вот они-то и гуляли по Петропавловке — молча, спокойно, без суеты.

Замуж.

Она впала в ступор. Зачем? Сейчас? Куда? Замуж все равно что в монастырь! Археология, университет, блестящее будущее — вот мои планы.

- Хорошо, - смиренно сказал он. — Хорошо. Я скоро уйду в армию. Повестка вот пришла. Счастливо.

Грохот — бесшумный и медленный грохот далёкого обвала — потряс Саню до основания. Огромное колесо прокрутилось где-то в небесной выси, осыпав её невесомой космической пылью. Вот как. Армия.

Саня поняла, что поезд тронулся. Она ещё не понимала куда, и кто в него сядет, и зачем. Но движение началось. Она пошла домой. Медленно, но верно в Саню крепло ощущение, что жизнь её безвозвратно меняется. Она сама будто бы не очень к этому и стремилась, но ничего поделать уже было нельзя.

Она не сможет отпустить его в армию. Это невозможно. Если он уедет туда один, он не вернётся. Саня видела это отчётливо. Его совсем ничего и никто не держал в этой жизни: ветреные девчонки, нелюбимая, чужая ему мать, собутыльники вместо друзей. Где-то был взрослый умный парень, его наставник и первый гуру, но Саня чувствовала, что тот не будет вмешиваться. И Кирилл пропадёт. Уйдёт и не вернётся.

— Мама, у меня к тебе очень серьёзный разговор. Это правда очень серьёзно. Ты помнишь Кирилла, мы с ним гуляем уже две недели. Мама...

— Ты что, хочешь замуж?!

— Да.

— Александра! Ты что, с ума сошла? Нет.

— Да!

— Нет.

— Мама!

Они поженились ровно через три месяца после первого свидания. Было нелегко. Абсолютно все вокруг были в недоумении, возмущении, были шокированы. Что вы? Как можно?

А Саня веселилась. Когда Санины одноклассники возвращались с учителем с экскурсии, Саня выходила из ЗАГСа с Кириллом под руку — они только что подали заявление. Толпа одноклассников удивлённо воззрилась на них и молча протопала мимо. Такой вот триумф. Такой поворот.

Саня очень любила свой город. Ленинград кончился, когда ей было пятнадцать, начался Петербург. Но это было неважно. Они были связаны тончайшими нитями, почти как части в молекуле ДНК. Саня дышала этим ветром и тучами, гранитом и чугунным литьём. Пыль асфальта и пух тополей тоже были совершенно пригодны для дыхания — они были чудесными частями воздушной газовой смеси, чем-то вроде кислорода или азота. На удивление, Саня любила банальный, парадный Петербург. Ей не был скучен фасад Зимнего, а взгляд на дворец с Миллионной, да ещё в сумерках, будил странные, словно бы чужие воспоминания. Камень Петропавловки был частью её собственной силы земного притяжения, и весёлый кораблик Адмиралтейства сверкал в высоте как маленькая, но её личная питерская звезда.

А ещё у неё был любимый, переворачивающий душу кадр. Поздней осенью, в конце октября, когда тучи уже свинцовы, бывает такой миг, когда сквозь небесную мглу вдруг пронзительно высверкнет солнечный, бледный платиновый луч. Как ангельский меч, пронзает он пространство от неба до земли. Он отражается в мокром асфальте, граните, чёрной воде, которая удлинняет и усиливает его до бесконечности. И так небо присылало Сане свой залог: «Красота вечна, бесконечна, чиста, мы на страже, ты в безопасности».

Теперь она была в этом городе не одна. Кирилл бродил с ней по улицам, видел и чувствовал его в том же регистре. Эта вечная любовь с пространством усилилась и сплелась с их новой дружбой, они зеркалили друг друга, и эхо шло по улицам и мостам.

Посторонние люди были добры к молодой паре. Шли им навстречу и помогали как могли. Свадьба прошла спокойно и прилично. Знакомые же их осуждали, завидовали, ругали. Кое-кто искренне восхищался и был рад.

В день свадьбы Саня была совсем одна. Мама ушла готовить, бабушка не вставала, подруга опаздывала уже больше чем на час. Саня сидела на дощатом полу в кухне. Глотнула из банки грейпфрутовый самодельный ликёр. Она не волновалась, не стремилась наряжаться. Пространство поддавливало, ощущение пустоты было ведущим.

Во время застолья молодёжь говорила и развлекалась сама по себе. Кто-то схватил померить фату. Саня курила, смотрела, улыбалась.

Ей было семнадцать, она была в меру хорошенькой, в кудряшках от срочно сделанной спиральной химической завивки и с тонкой осиной талией. Платье сшить не успели, и ей отдала наряд мамина подруга. Вполне.

Во время застолья принесли торт. Молодожёнов в это время в комнате не было. Когда они вернулись, оказалось, что куски уже все разобрали и съели.

Саня и Кирилл шли по ночному питерскому двору. Была середина июня. Её белое платье мерцало в сумерках.

На следующий день они уехали в медовую неделю. Их пристанищем стал домик на территории летней базы детского сада. Без мебели, с двумя железными кроватями и доской стола. Из еды у них с собой было шампанское, конфеты и варенье. Немного капусты, хлеб, тушёнка. Они пили, ели конфеты и наклеивали весёлые разноцветные фантики на стены, намазывая их вареньем. Унылые зелёные стены засверкали весёлой финской фольгой. Стало уютнее.

Через неделю после свадьбы он уехал в армию. Саня залегла на диван реветь. Было очень страшно.

Но теперь она — его точка опоры. Она будет его ждать. И разумеется, не пойдёт после школы в университет. Этого делать нельзя. Зная свой буйный нрав, Саня понимала, что не сможет не увлечься там. А Кириллу нужна была вся её энергия, вся верность и вера. Она осталась дома.

И опять из космической выси упала мысль: «Ну что ж, ничего страшного. Эту жизнь ты отдашь ему». И потом странная, удивительная картина развернулась перед её глазами: чёрная ткань космоса, в космосе плавно вращается огромная спираль ДНК. Она поделена на фрагменты, с точкой в центре каждого. Одна из этих точек — Саня. Она вечна. Жизнь бесконечна. Саня принадлежит ей изначально и бессрочно.

Это внезапное осознание дало ей расширение и уверенность, что всё не зря. После этого Саня без опаски ходила по ночным улицам, выбиралась из передрыг легко, с огромной и непоколебимой верой, точнее, знанием: Бог ведёт её за руку.

8.

Через год службы Кирилл заключил контракт и жил теперь дома, ездил в армию как на работу. Часть его располагалась в пригороде. Жизнь на время стала прекрасной.

Они дурили и веселились, много пили, мало спали, молодость была из них ключом. Саня на радостях даже пошла поучиться в институт, на инженера, как мама. Но через год бросила — совсем не ее.

Иногда у них с мужем происходили странные, пограничные вещи. Они засыпали, а потом начинали заниматься любовью во сне. Не просыпаясь. Сане продолжали сниться сны, в которые намертво вплеталась реальность. Муж тоже спал или уже бодрствовал — она никогда не знала точно.

Ей снились диковинные, пугающие сюжеты. Она шла вдоль высокой монастырской стены под руку с монахом — и одновременно лежала под мужем, который быстро и глубоко двигался внутри неё. Пространства и люди наслаивались. Получалось, что она лежит прямо посреди монастырского двора, на глазах у толпы. И поскольку движения мужа были абсолютно реальны, мозг достраивал остальную сцену с ошеломляющей, жуткой детализацией. Окружающие внимательно всматривались в нее, камень холодил спину, она явственно ощущала себя одновременно в двух мирах. Это Саня понимала из того, что удивление было сильнее страха. Словно бы она помнила, что невидимая рука выдернет ее в любую минуту из разъяренной толпы.

Просыпалась Саня в холодном поту. Мизансцены менялись, но принцип оставался прежним. Каждый раз это было ослепительно ярко и непереносимо тяжело. Признаться в этом Саня не могла никому. Муж иногда вскользь упоминал, что ночью происходит что-то странное, но пускаться в объяснения почему-то не хотел. «Даже страшно представить, что в этот момент видел он», — думала тогда Саня.

И это при том, что они не употребляли ничего, кроме «Беломора» и пива. Как вообще выживают те, кто использует сильные стимуляторы, Саня искренне не понимала.

Коммуналку удалось разменять: богатая женщина купила эту большую квартиру, и Саня с Кириллом переехали в свои личные двадцать семь квадратных метров. Кухня четыре с половиной и коридор два казались им абсолютным раем. Район был зелёный, цвели кусты шиповника и яблони, и все было отлично.

В день переезда умерла Санина бабушка. Она давно не вставала, а под конец болезни впала в кому. Саня иногда приходила к ее постели и читала вслух Библию. Бабушка никогда не говорила с ней о Боге, но Саня в детстве часто слышала, как перед сном она читает шёпотом молитвы.

Репрессии 37-го года коснулись всех ветвей Саниной семьи. Бабушкин муж, дед Федор, был сыном репрессированного. Никто не знал, что случилось с прадедом после ареста. Санин же Кирилл, умевший отлично работать с архивами, много позже раскопал, что тот был расстрелян в 37-м.

О прошлом говорили нехотя, негромко. В церковь не ходили. Про знаменитого бабушкиного деда, который до революции был известным человеком в артистических кругах Петербурга, проектировщиком сцены Мариинского театра, который первым провёл туда электричество и имел награды от самого императора, вспоминали редко.

Поэтому и уходила бабушка в молчании.

Но она многое успела передать Сане исподволь, бесшумно передвигаясь по дому в трудах и заботах.

Что вся семья должна обязательно встретиться вечером за поздним обедом, за круглым столом. Что тесто для настоящих куличей должно вымешиваться сорок минут, быть тяжёлым и пахнуть мускатным орехом и кардамоном. Что варить конфеты из молока и сахара вкуснее и лучше самим. И как спокойно и с достоинством, отдыхая вечером от хлопот, раскладывать большой пасьянс.

А ещё бабушка умела на многом экономить. Она собирала остатки мыла и всегда варила из них новый кусок. Каждую спичку использовала по несколько раз, благо газ всегда горел в ванной комнате в колонке. Саня сначала очень злилась: ну что за ерунда, спичек жалко! Потом все-таки поняла. Сбереечь в войну всю семью было нелегко. Эти привычки, скорее всего, спасли им жизнь. Поэтому остались навсегда.

И ещё бабушка никогда не смотрела фильмы про войну и не читала военных книг — сразу плакала. Она больше любила оперу. И очень часто маленькая Саня слушала вместе с бабушкой Елену Образцову или Ирину Архипову.

Как только Саня с мужем переехали в свою квартиру, Саня забеременела. Вообще-то врачи говорили девятнадцатилетней Сане, что у неё детей не будет. Такая худая, цикл гуляет — очень мало шансов. И действительно, четыре года беременность не наступала.

А тот раз Саня запомнила. Было утро, в окно светило мягкое осеннее солнце. Муж был тих и нежен. Он прикасался к Сане бережно, целовал её ноги почему-то вдруг робко, как в первый раз. И эта целомудренная бережность, глубокое уважение и нежность вдруг что-то расколдовали в Сане. Она почувствовала себя лучше, чище, выше, здоровее; она поднялась над всем плохим и тяжёлым, и её лоно раскрылось. Она почувствовала это явно и не удивилась, когда случилась задержка.

К этому моменту Саня давно уже не ела мяса. Они с мужем интересовались йогой, Саня зачитывалась Рерихами и осваивала труды Шри Ауробиндо. Ей очень нравилось его учение и его лицо. Хорошо ещё, что не было лишних денег, а то они уехали бы в ашрам. Питалась Саня цампой: обжаривала ячневую крупу, добавляла сливочное масло и крепкий чай. Ну и родное яблочное пюре очень любила.

Узнав о беременности, Саня сразу же бросила курить. Абстинентный синдром, элементный голод и гормональные качели мигом выбили Саню из колеи. У неё не было токсикоза, но здорово поплыла нервная система. Начались панические атаки и страх за исход беременности. К тому же стало кровить.

Сане было страшно ещё и потому, что в их квартире не было телефона. Муж уходил на работу в ночь, и Саня оставалась одна, наедине с тянущим животом и страхами.

А однажды вечером в их квартиру кто-то пытался проникнуть. Район был неблагополучный, на лестнице часто ошивались наркоманы, пол был усеян шприцами. И вот Саня услышала, как кто-то царапает и ковыряет замок. Слышала приглушённые голоса. Ноги приросли к полу. И тут её прекрасная, добрая собака, которая умела сбивать с ног только в порыве любви,

вдруг издала невероятно низкий, глухой волкодавий рык. И такой грозный лай, что на лестнице скоро всё стихло. Пёс её спас.

Но покоя это не прибавило. Кровотечение то останавливалось, то опять что-то мазало. Саню отправили в больницу. Чёрные окна февральской ночи, страх и одиночество владели Саней. Мама работала и в подробности её жизни особо не лезла, хотя, конечно, навещала. Муж тоже. Им не трудно было прийти с яблоками к ней в палату. Им трудно было спросить Саню, как дела. Они очень не хотели слушать ответ. А Сане было плохо.

Саня попала на приём к заведующей по блату. У Марины было много знакомых, и она помогла.

Врач была деловой и бодрой женщиной. Критически оглядев Саню с ног до головы, она сказала тем же деловым тоном:

— Такие, как ты, не рожают. Такие всегда выкидывают.

Саня поблагодарила врача, как положено, принесла ананасы. Но эти слова очень помогли Сане. Она страшно разозлилась: «У меня всё будет хорошо, назло вам всем, понятно?!» Саня включила орлёнка.

А потом муж познакомил Саню со своим старшим товарищем, Павлом. Он учил Кирилла живописи, учил слушать камни, учил житейской и прочей мудрости. Павел внимательно посмотрел на Саню живыми, тёмно-карими с искрой глазами и сразу её раскусил. Как-то с первого взгляда он догадался, кто она такая:

— Ты прирождённый медиум. Ты сканируешь пространство, знаешь и чувствуешь слишком много для твоего маленького тела и уставшего мозга. Ты видишь не просто индийскую пряность, ты видишь за ней ещё и тигра, который прыгнул на того индийца, который эту пряность собирал.

Это была совершенная правда. Павел научил её медитировать и останавливать мысли. Но это не очень помогло. Тогда он отвёз Кирилла с Саней к своей наставнице.

9.

Наставница вошла в Санину жизнь как гром среди ясного неба. Она мгновенно и навсегда заняла там место и Бога, и матери, и отца. Даже спустя много лет, когда Сане уже было понятно, что она всё-таки была человеком со своими слабостями или заблуждениями, Саня не могла развенчать её образ. Наставница сделала для Сани очень много. Саня всегда говорила, что она спасла ей жизнь.

Она была первым человеком, который не испугался Саню. По крайней мере, внешне это выглядело так. Она видела и понимала её эмоции и страхи, её огромную силу и предательскую слабость, а её душу и разум она читала как открытую книгу.

Амалии Васильевне было за шестьдесят. Она была врачом-педиатром, позже — заведующей детским санаторием. Опытный, сильный врач с огромным личным обаянием и мощным разумом учёного, она была ещё и великолепным практиком. Около сорока лет у неё открылось некое особое видение. Она безошибочно определяла необходимые точки на теле, чувствовала руками поле и могла его корректировать. Она использовала таинственные формулы, которые приходили ей во сне и умела наполнять энергией тело и психику, используя кристаллы. Ещё она была потрясающим художником. Все стены в её комнате от пола до потолка были завешены картинами. Со стен, как живые, кивали головками колокольчики, разворачивались поднебесные дали, а огромные подсолнухи излучали явственный физический свет.

Амалия быстро привела Саню в порядок. Она поставила ей на место шейные позвонки, провела несколько сеансов электроакупунктуры, выписала таблетки, витамины и травы.

Поправила поле. И выслушала. Это было бесценно. Саня с огромной радостью принесла ей ключи от всех своих дверей и вверилась с преданностью юного рыцаря перед королём Артуром.

Саня чувствовала себя прекрасно. Вторую госпитализацию, на которой настаивали врачи для порядка, перенесла легко. И жарким июньским воскресеньем спокойно пошла рожать.

Муж подарил ей накануне большую коробку цветных карандашей. Саня вдохновенно рисовала круглый коричневый земляной холм, который омывают бирюзовые волны. Старалась попробовать все цвета, рисовать ей было интересно, как ребенку. И вот, почувствовав, что что-то происходит внизу живота, прислушалась, подумала и сказала: «Пора».

За пару дней до этого Сане вдруг очень захотелось встать босиком на землю. Она вышла из парадной, проверила, нет ли под ногами шприцов, и сняла обувь.

Тело очень соскучилось по земле. Ноги буквально вросли в почву, стало легче дышать. Саня блаженно улыбалась. В этот момент живот расслабился и явственно опустился. Ребёночек пристроился к выходу.

Схваток Саня не чувствовала совсем. Когда в роддоме её осмотрел врач, оказалось, что открытие уже большое. Врач глянула на Саню удивлённо, положила руку на живот, посчитала схватки. Схватки шли ровно, часто. Но Саня вообще их не ощущала, поэтому выглядела и вела себя достойно.

Ей сразу же прокололи пузырь, воды отошли и боль неожиданно накатила с сокрушительной силой. Саня схватилась за кровать и закричала. Акушерка в недоумении обернулась: «Ты чего?» Её предупредили, что роды идут хорошо и быстро. Что вдруг случилось?

Не успела Саня отдышаться, как следующая волна боли почти повалила её на пол. Саня еле удержалась на ногах, вцепившись в бортик и бодая лбом стену. Когда отлегло, она решила найти врача. Слишком неожиданные ощущения, да и двадцать один год всего — ни знаний, ни опыта.

Когда Саня вышла в коридор, третья волна схваток скрутила её, и она издала пронзительный, звериный крик. Боль выхлестнула из горла в коридор, и Саня поняла, что сейчас родит. На кресло еле успели. Через Саню, с самого неба, через потолок, голову, тело, в промежность и дальше шёл огромный раскаленный поезд. Он давил невыносимо, и Саня сдалась. Ещё один утробный рык — и родился мальчик.

Роды стремительные. Апгар 8/9. Кровопотеря стандартная. Муж ещё не успел уехать, а сын уже покрикивал в руках у акушерки.

Несмотря на то, что персоналу не пришлось долго заниматься Саниными родами, уставшие медики успели сообщить ей всё, что о ней думают. Что так орать нельзя. Что ребёнок родится идиотом. А сама она тоже идиотка и ничего не хочет понимать. Когда всё было сказано и медики удалились, санитарка тихонько взяла Саню за руку и спросила: «Кому позвонить, маме? Диктуй телефон».

10.

Амалия Васильевна стала для Сани абсолютным ориентиром и маяком во тьме. Мама Сани младенцев не любила и не понимала. Вероятно, от этого страха она сказала как-то Сане: «Сама родила, сама и возись». Позже мама удивилась, как могла такое сказать. Однако сказала. Муж пропадал на работе, телефона по-прежнему не было, малыш часто болел, и неопытная Саня ужасно волновалась.

Их квартира ещё не успела обрасти приличной обстановкой — времена были тяжелые. Участковый врач, пожилая дама с породистым лицом, не скрываясь, брезгливо поджимала губы и говорила своей медсестре: «Смотри-ка, в неблагополучных семьях дети всегда часто болеют». Сестра краснела и молчала.

Саня не справлялась с жизнью. Ей было очень трудно. Никакой литературы, кроме Спока. Никаких форумов и групп поддержки. И никаких добрых рук в помощь, родственники почему-

то к Сане не приближались и на пушечный выстрел. И поэтому то, что она плохая мать, Саня усвоила очень быстро.

Но это шло вразрез с её внутренним чутьем. В сыне она души не чаяла. Еще в палате роддома её захлестнула невероятная гордость, а его личико казалось самым прекрасным на свете.

Она поднесла сына к окну. Там, в высоком небе, плавилось и растекалось солнце необычно жаркого дня. В его раскалённом золоте плыли чайки, сверкая золотыми и розовыми перьями.

— Малыш, смотри, вот это небо, — сказала Саня, поворачивая младенца к окну. — А это солнышко и птицы.

Солнце смотрело в окно палаты и видело тоненькую девочку в окровавленной рубашке с младенцем на руках. Девочка улыбалась и сама сияла, как солнце. Они нравились друг другу.

Сане было совсем не трудно носить сына на руках и вставать по ночам. Первую же жалобу тела она мгновенно подавила, и дальше всё пошло легко. Смысла роптать все равно не было: помогать некому.

Амалия Васильевна единственная могла помочь советом, мудростью и врачебными знаниями. Эта помощь была бесценной, иначе Саня совсем бы пропала. Однажды она робко спросила:

— А можно мне к вам на приём без малыша?

— Конечно.

Так начался путь длиною в шесть лет.

Саня вылечилась от страхов, окрепла и стала расторопной. Паника и тоска больше её не посещали. Чистый солнечный свет с подсолнухов Наставницы ярко освещал путь. В один из визитов Саня вдруг увидела, что её тело стало обретать форму, появилась попа. Это обстоятельство почему-то особенно обрадовало Саню.

А потом Амалия Васильевна сообщила, что видит в Сане потенциал. Что ей нужно учиться на медика, потому что в роду Саня — ведьма. И спросила, что та думает. Саня не поверила про ведьму, но ответила, что да, людей лечить она хочет и экстрасенсорные техники ей интересны. И Саню отправили учиться в медицинский колледж.

Сына пришлось отдать в детский сад, это было тяжело. Она кормила его грудью до двух с половиной лет. Ей нравилось это общение, она расслаблялась и витала с ним вместе в облаках. Пришлось отлучать. Но вместе с Наставницей Саня справилась.

Подготовилась к экзаменам. И поступила.

А в это самое время её семья терпела бедствие. Мужу было скучно: Саня занималась ребёнком и бытом, на общение и секс её не хватало. Первый год он крепился. А когда они все вместе с семьёй Марины сняли дачу, переехав туда с детьми на лето, он сорвался.

Марина прекрасно выглядела. Никакие дефициты не мешали ей проживать материнство. Её сын был на год старше. Любящий отец окружил Марину заботой. У них были дачи, машины, коттедж с бассейном и много родственников — возможно, не идеальных, но живых, осязаемых, и Марина не жила в глухой изоляции. В отличие от Сани, которая опять была Сама. Марина выглядела землёй обетованной — очень молодой, но уже роскошной и сильной женщиной. Санин муж тянулся к ней, как умирающий от жажды в пустыне к роднику с водой. Тем более, Марина — его первая любовь. Разве могла Саня его осуждать?

День за днём, месяц за месяцем вокруг Сани снова вставал матёрый лёд. Она не сердилась. Она чувствовала себя собакой, которую забыли на платформе в осенней темноте.

Наставница неожиданно подлила масла в огонь:

— Хочет — пусть уходит.

Саня вздрогнула. Подумав, согласилась. Естественно. Она его любит. Хочет — пусть уходит. Но он не захотел. Амалия Васильевна прямо спросила его, нужна ли ему эта семья. Он испугался. Конечно, да. Ничего такого и в мыслях не было.

— Тогда возьми себя в руки.

Он взял. И внешне всё стало прилично.

Тем не менее, Амалия Васильевна очень ценила Марину и часто говорила Сане, какая та красавица — сексапильная, коммуникабельная, похожая на Царевну-Лебедь.

Да-а, не то что Саня.

Саня, вжимая голову в плечи как от удара, соглашалась. Это была правда. Она и сама очень любила Марину, восхищалась её силой и красотой.

11.

Марина, конечно, была особенной. Она казалась Сане похожей на тот самый портрет Жанны Самари, который так любил отец. Она словно бы излучала нежное, бархатистое сияние — это светились в ней мегатонны отцовской любви и материнской заботы. Это было красиво.

Ещё она была полна особенной базовой, молекулярной уверенностью в себе. Таких людей Саня раньше не встречала. Нет, конечно, сомнения и поверхностные комплексы были присущи и ей. Но только поверхностные. Даже фигура у неё была необычная: мощный, тяжёлый, заземлённый низ и потрясающе свободный разворот плеч, длинная гордая крепкая шея и рыжеватые волнистые волосы делали её похожей на редкого чистопородного дорогого скакуна. Мощь здорового молодого тела и лёгкий характер любимой папиной дочки делали её обаяние непобедимым. Как «Монолит», в котором работал её отец, она сама, её муж и мать. И были единым целым.

Ещё у неё были совершенно прекрасные руки. Они мягко сияли тёплым земным светом, сытно и ловко кормили детей, будто по волшебству наводили порядок и создавали уют, успевали позаботиться о своих домочадцах вовремя и с избытком. Накормленные, красиво одетые, уверенные в себе, эти люди были мощным земным центром, полюсом силы и притяжения. В саду вокруг крепкого монолитного коттеджа цвели яркие, сочные цветы, которые рифмовались со свежим румянцем и рыжиной волос хозяйки. Яблоневый сад богато плодоносил, а жизнь была налажена и обустроена дельно и с комфортом.

Саня замирала от этого изобилия, так непохожего на их собственный быт. Жизнь с мужем ещё совсем не обросла материей: кроме их картин, поделок и старой чужой мебели, ничего толком в квартире и не было. Да и в родительском доме всё было иначе. Предельно аскетичные в быту, родители не скупились на хорошие, редкие и дорогие книги — этого хватало. А мама очень любила нежный костяной фарфор, поэтому сервант был целиком занят коллекцией изящных чашек с великолепным тонким рисунком. Ну и ещё мама любила дорогие духи, штучную одежду и хорошие ювелирные украшения. Это было не про быт, надёжность и удобство, а скорее про тягу к красоте. Эта красота восхищала Саню, но совершенно не давала ей чувства защиты и безопасности. С Мариной всё было наоборот. Саня мгновенно успокаивалась рядом с ней, хотя, конечно, напрасно.

Саня — умная, напряжённая, привыкшая к самостоятельности — была для Марины хорошей парой. Хотя ни разу за весь их совместный путь Марина не сказала Сане, чем именно она ей дорога и что для неё в их дружбе ценного.

Наставница говорила, что им надо быть вместе.

12.

Саня училась в колледже на другом конце города. Вставала рано, отводила сына в дежурный сад, потому что иногда ей нужно было оставаться на ночь в больнице, да и муж тоже работал в ночь. Честно ходила на все пары, потом пускалась в обратный путь — сначала на троллейбусе, потом на метро. Потом магазины, забрать сына из садика... Дома — дела, уроки, быт, забота о здоровье. Иногда ей казалось, что эта жизнь едет на неё как паровой каток.

Спасала Наставница. После её сеансов Саня всегда чувствовала бодрость, ясность в голове и уверенность в своих силах. И с ней всегда было потрясающе интересно. Это было окно в настоящую, увлекательную жизнь.

Амалия Васильевна начала передавать Сане свои знания. Они брали в руки кристаллы, ловили их в фокус своего внимания — и вот аметист уже ощущается в руке как продолжение тела. Узкий луч энергии исходит из его вершины, сканирует тело, высвечивая напряжения в полях. Саня училась легко, как будто бы всегда это умела.

Удивительно, до чего неравномерно развивались её качества. Если бы современные психологи захотели нарисовать её колесо баланса, то получился бы не круг, не овал, а морская звезда. Блестяще справляясь с некоторыми аспектами жизни, в других Саня бывала настолько по-детски беспомощна, что невозможно было поверить, что это один и тот же человек.

Примерно тогда же, в ранние годы их брака, Саня с мужем начали пробовать разные сексуальные игры. В один из подобных моментов Саня попросила мужа: «Помочись на меня». Муж был готов, и в грудь ей ударила струя мочи. Саня замерла.

Сложное чувство поднялось в ней. Кайф, счастье, удовлетворение. Полное ощущение нужности и правильности происходящего. Когда он закончил, ей было странно хорошо. Они завершили акт как обычно. Но муж потом сказал, что ему не понравилось. Саня была расстроена. Настаивать она не посмела, но что-то важное упустила и утратила.

Позже она пыталась понять, что же за чувство и почему возникло в ней тогда. Ум отказывался принимать такую реальность как норму, но ощущения говорили об обратном. В глубокой зрелости, пройдя порог пятидесяти лет, Саня догадалась. Наверное, это было про запредельное доверие и близость. Про желание раствориться и слиться с любимым на уровне жидкостей тела. И заодно — про смирение. Когда тебя мягко ставят на место. Жаль, что он тогда не оценил.

Был и другой опыт. Однажды Саня лежала на животе, муж ласкал её, потом куда-то отлучился. Вернувшись, попросил привстать. Неожиданно она почувствовала вибрацию в заднем проходе, которая сваливалась всё глубже. Что-то тихонько жужжало.

Смешанное чувство накрыло её. С одной стороны, это было однозначно приятно: ласка была и аккуратной, и возбуждающей. С другой стороны, жёсткость предмета глубоко внутри тела сообщала ощущение, что тебя поймали. Саня лежит животом на подушке, руки и ноги раскинуты, из попы торчит палка, которую кто-то держит. Эту попу словно бы посадили на булавку. Пришпилили как бабочку. Чуть шевельнёшься — и конец. Это ощущение несвободы и опасности пугало. Возбуждало. Понимание его власти потрясло психику. Почему-то это было нужно и важно пережить. Ощущения были плотными, возбуждение сконцентрировалось в области таза — остро, резко взрывалось в теле, расходясь тяжёлыми, жгучими кругами. Чувствуя, как обильно изливается жидкость внутри влагища, Саня кончила.

Потом, спустя время, всё снова и снова сравнивая разные, не очень-то и богатые опыты, Саня приходила к одному и тому же выводу. Размыкание границ, безграничное доверие и лишение субъектности на некоторое время вызывают оглушительную перезагрузку психики. Ставить мужа в подобное положение ей почему-то не хотелось. Его роль должна была быть сверху.

После Саня мурлычет как кошка. Необыкновенная лёгкость наполняет тело. Она улыбается и трётся о руку мужа. Проваливается под бок и засыпает — мокрая. Вставать не хочется.

Мыться не хочется. Приятно заснуть в этом состоянии, где ты парадоксально защищена именно в минуту риска и уязвимости. Волшебство. И это тоже больше не повторялось.

13.

Обучение наконец закончилось, Саня вышла на работу. Атмосфера больницы непрерывно шокировала её. Запах, цвет, сам строй пространства был тяжёлым, резким и жёстким. Саня наглухо замуровала ощущения и пошла брать следующую высоту.

А вот сам процесс общения с пациентами Сане нравился. Живые люди с их болью и надеждой вызывали у неё живой отклик. И Саня проводила много времени на посту, общаясь и отвечая на вопросы. Один раз старшая медсестра отозвала Саню в сторону:

— Александра. Тебе за это не заплатят. Лучше бы ты ушла с глаз. Незачем тут на них тратиться.

Саня промолчала. Но продолжила делать то, что ей нравилось.

Наставница заболела. Сахарный диабет прогрессировал внезапно и резко. Даже её мощный дар был бессилён. Амалии Васильевне пришлось провести ампутацию ноги. Саня была потрясена. Но мужественно преодолела страх.

14.

Саня работала в больнице уже год. Она привыкла и освоилась. Работа была тяжёлая, персонала не хватало. Зарплата выглядела как воскресный презент состоятельного отца подростку на уик-энд. И кстати, всю эту зарплату Саня отдавала в оплату своих сеансов у Наставницы.

Но Саня работала не ради денег. Главное было другое. Живая ткань человеческой судьбы, боль и исцеление, усилия и победа, сокрушительные поражения, наличие или отсутствие воли к жизни — эта гудящая лава проходила сквозь Санины пальцы, и она училась. Слушать, слышать, понимать, отдавать своё тепло и знания так, чтобы человек мог это взять. А самое главное — без лишних слов, иногда только взглядом, она передавала болящим главный посыл: пока ты жив, Надежда есть, иди вперёд. Она почти мгновенно нащупывала своим пристальным внутренним взглядом заглушку в психике, которая застила человеку глаза, и спокойно, уверенно посылала туда свою глубочайшую веру во Всевышнего. Люди чувствовали эту поддержку, но, конечно, до конца не понимали. Им просто становилось вдруг легче, веселее, и в голову приходили более удачные мысли. Однажды женщина сказала Сане: «Как хорошо! Рядом с вами сразу жить хочется!» Это и была Санина главная награда.

Так Саня применяла на практике то, чему ее учила Наставница. Незаметное, скрытое служение стало основой Саниной жизни.

День за днём она встраивалась в потоки чужих сознаний и становилась важной, незаменимой опорной частичкой в этой мутной реке, плывущей в берегах надежды и отчаяния. Над входом в отделение Саня всегда мысленно зажигала себе алую надпись: «Останься человеком».

Прошёл год с момента операции Наставницы. Через несколько месяцев после ампутации она пришла в себя и даже возобновила ограниченный приём. Она была могучим человеком. Саня продолжала у неё учиться.

Летом, накануне того, как сын пошёл в первый класс, Наставница заболела ещё раз. Сдавало сердце. Саня примчалась к ней в больницу и неожиданно осталась там на десять дней — нужен был уход и помощь. У Сани не возникло и тени сомнений. Она заплатила коллегам с рук, и те вышли за нее на три смены.

Когда к Наставнице приехала дочь, Саня почувствовала себя лишней и отошла. Дочь сделала массаж, посидела какое-то время, поговорила с врачом и уехала.

— Ты так не умеешь, — сказала Амалия Васильевна. Сане было больно это слышать, но это была правда. — Когда-нибудь ты будешь сильнее меня, а пока что ты слаба. Тебя еще нужно вести.

Это тоже была правда.

Больше дочь Амалии не приходила.

Потом Саня отпросилась проводить сына в первый класс. Наставница неохотно отпустила Саню, на смену приехала дальняя родственница.

В хлопотах пробежала неделя, и Саня поспешила обратно в больницу. И успела в последний момент — Амалии Васильевне было плохо. Они немного поговорили. Темнело. Вдруг дыхание Наставницы стало совсем тяжёлым, прерывистым. Родственница побежала за врачами.

Саня держала Наставницу на руках, обнимала её, укладывала выше на подушки. Говорила упрямо: «Дышите, дышите».

Реанимационная бригада прибежала очень быстро. Всех посторонних выставили за дверь. Саня присела на корточки у стены. Какие-то сиреневые искорки бегали и вспыхивали перед её глазами, пока она тупо смотрела на стену.

— Вы родственники?

— Да, — соврала Саня. — Это моя тётя.

— Ничего сделать не удалось.

Саня медленно шла по улице. Пустота была в её голове. Страх за свою судьбу она привычным жестом сдвинула и спрятала глубоко внутрь. Она понимала, что теперь она — наследница своего учителя. Только она может и должна воспринять её дело. Она молча приняла эту ношу. Но знала, что она не готова.

Страницы огромной книги перелистывались в обратном направлении. Что-то начиналось.

Часть Вторая.

Аркан Дьявола.

1.

Саня закрыла за ним дверь и буквально сползла по стене. Её колотила крупная дрожь. Неожиданные чувства нахлынули с невиданной силой.

Она была неопытной массажисткой. Ну то есть её чутьё и нерастраченная нежность делали чудеса. Люди исцелялись, и он не был исключением. Опыта не было в другом. Она никак не ожидала, что контакт может высечь из неё такую искру. И, наверное, не только из неё.

Она не верила, что может кому-то понравиться. Что её прикосновения могут бить током или утолять глубинную жажду. Что её можно желать и выбирать, хотя рядом есть другие женщины.

Лечение у наставницы вернуло ей чувство реальности, но не успело пройти вглубь, до базовой ядерной установки, излечив и настроив только внешний и средний контур.

Саня была глубоко, базово уверена, что её нет, даже несмотря на вновь отросшую попу. Есть только ум, воля, руки. Женщины Александры в природе не существует.

А точнее, самой Сане страшно смотреть в её сторону. Потому что она ничтожна и уродлива. Потому что на руках, на запястьях и на шее у неё есть след от кандалов. Её, наверное, приковывали к позорному столбу. И ни один мужчина никогда не притронется к ней. Муж не в счёт. Он такой же загнанный зверь. Ну что с того, что на шее и запястье всего лишь нейро-

дермит. Она твёрдо знает: её не существует для нормального здорового мужчины. Поэтому массаж чужому мужу можно делать безбоязненно. И все подруги это знают и им так очень даже удобно. Саня словно бы бесполоая, никакая в этом отношении. У неё чудом родился сын. Но она кастратка. Поэтому с ней не страшно. Она не конкурентка.

Эти странные чувства. Этот ток и жар. Откуда они взялись? Этого не может быть.

Саня отказывала себе в понимании. Её трясло от пережитого взаимного притяжения. Но разум категорически отказывался называть вещи своими именами. Влечение влечением, голод голодом, жажду жаждой.

Мужчина с массажного сеанса вышел, довольно улыбаясь. Спина перестала беспокоить. Девочка была приятной, хоть и неловкой от стеснения. Зато в лечении чувствовалась её сильная, уверенная рука. Эта рука буквально заставляла тело расправляться. Он был доволен.

На работе всё хорошо. Дом — полная чаша, спасибо тестю. Дома жена и сын. И эта подруга жены с её массажем очень кстати расшевелила подзастывшую кровь. Трахнуть бы её, да нельзя. Слишком близкий круг, могут быть неприятности. Но это не беда. Скоро в горы, в отпуск. Там адреналин, не нужны никакие тёлки.

Его звали так же, как мужа Сани, — Кирилл. И отчества у них совпадали, оба Сергеевичи. Они были очень разные. Муж — высокий, сдержанный, чем-то напоминавший Сане обреченного белогвардейского офицера, несчастный от потерь и разора. Кирилл номер два, муж Марины — живой, чернявый, жадный до жизни и удовольствий. Они дополняли друг друга, всегда спорили в компании, и Саня часто любовалась ими, украдкой сравнивая и размышляя.

2.

Красивые руки, красивый затылок, пристальный взгляд карих глаз. А самое главное, голос.

Как-то раз, на очередном празднике, все ночевали вповалку, в спальниках, в одной небольшой комнате. Было тёплое летнее утро, Саня выплывала из сна. Её ощущения были удивительными. Несмотря на затянувшееся гулянье, самочувствие вполне устраивало, и даже больше. Было отчётливо хорошо. Райски блаженно. Саня вытащила себя из остатков сна. Что хорошо-то? И поняла. Она ещё не открыла глаза, но хорошо слышала его голос. Он говорил жене, что любит её. Но Сане не было важно, что он говорит. Звуки, миновав все барьеры, падали прямоком в ядра молекул и сообщали что-то настолько важное этим крошечным частичкам, что большая Саня не могла ни анализировать, ни сопротивляться. Их было больше.

Гордая Саня попала в рабство.

С женой они ссорились часто и катастрофично. Ссоры были с криком, со злостью, даже с агрессией. Саня, стоя на обочине этого шторма, будучи то гостьей, то хозяйкой территории, всякий раз испытывала смешанные чувства. Душа хотела мира и тишины. Полёта, что ли. Но, вместе с тем, она понимала, что здесь она не может не применить свою силу.

Эта сила непроизвольно истекала из пор её тела, вибрировала и производила эффект. Саня могла управлять этим эффектом с детства. Если вокруг царила сонная одурь, Санино тело вдруг загоралось бодростью и динамично раскачивало болото. Если мама была в ярости, по её собственным словам, до белого пламени перед глазами, Саня служила громоотводом, сохраняя дом от пожара. Когда ругались друзья, она чувствовала себя нежнейшим маслом, которое выливалось на разбушевавшийся океан. Она тихо улыбалась, готовая поддержать в любую минуту. Была нейтральна. Никого не судила. И в её мягкой прохладе воронка смерча

постепенно угасала. Ей просто не от чего было питаться дальше. Саня умела управлять пространством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.